

Средь благовонных чаш и трубок
Уж не кипит живая речь.

С нее не сыплются, как звезды,
Огни и вспышки острых слов,
И речь наездника наезды
Не совершает на глупцов.

Струей не льется вечно новой
Бивачных повестей рассказ...

Финал послесловия к «Эперне» перекликался с финалом послания «К партизану-поэту»: в раннем послании Вяземский обещал совершить возлияние на могиле Бурцова вином, утолив им «жажду праха», а в позднем вино заменила песнь:

Но песнь мою, души преданье
О светлых, безвозвратных днях,
Прими, Денис, как возлиянье
На прах твой, сердцу милый прах!⁶⁴

Так последней «звезде рассеянной Плеяды»⁶⁵ выпало на долю начать и завершить развитие символических коннотаций шампанского в поэзии пушкинского круга — поэтической общности, принадлежность к которой определялась не только и не столько личной дружбой, сколько единым интертекстуальным пространством, созданным памятью на чужие находки и готовностью подхватить тему и посоревноваться в ее развитии.

⁶⁴ Там же. С. 324–325.

⁶⁵ Так Баратынский назвал Вяземского в посвящении «Сумерек» (*Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 12*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-50-57

© А. С. БОДРОВА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Е. А. БАРАТЫНСКОГО К А. И. ТУРГЕНЕВУ (К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)*

Историю литературных отношений традиционно описывают по биографической канве их участников, дополняя анализом прямых высказываний персонажей друг о друге и описанием творческих взаимных влияний или полемики. При этом социальное измерение литературных отношений (социальный статус и связи, положение в служебной или литературной иерархии, институциональная принадлежность и т. д.) редко становится объектом исследовательской рефлексии, как и сюжеты, предполагающие выход

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00306 «Литературное общество как культурный, политический и социальный институт (Вольное общество любителей российской словесности, 1816–1825)».

за пределы автономного поля, когда речь идет о взаимодействии писателя с другими агентами, принадлежащими одновременно к нему и к полю власти или коммерции.¹ Между тем внимание к социальным диспозициям, их учет при анализе собственно литературных фактов представляются важными для адекватного описания как самого поля, так и поведения разных его участников — особенно в те периоды, когда автономия «*république des lettres*» только формируется и она находится под влиянием гетерономной модели.

Богатый в этом отношении материал представляет литературная ситуация 1820-х — начала 1830-х годов, когда существенное число ее участников было встроено в другие — прежде всего чиновные и служебные — иерархии, сохранявшие свой социальный и символический вес. В такой конфигурации особую значимость приобретали те «акторы», которые могли способствовать внелитературному поощрению успеха «внутри поля», — в их числе, несомненно, должен быть назван Александр Иванович Тургенев, бывший, по словам П. А. Вяземского, «посредником, агентом, по собственной воле уполномоченным и аккредитованным поверенным в делах русской литературы при предрежащих властях и образованном обществе».²

Хорошо известна та роль, которую Тургенев сыграл в устройстве дел самого Вяземского, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина;³ не менее ярким примером оказывается и почти двадцатилетняя история отношений Тургенева с Е. А. Баратынским, несомненно заслуживающая специального исследования. В настоящей заметке мы попытаемся описать лишь несколько ее эпизодов, сосредоточившись на некоторых признательно-литературных жестях Баратынского по отношению к Тургеневу.

* * *

Обстоятельства первого знакомства Тургенева с молодым поэтом и унтер-офицером Баратынским неизвестны. Наиболее раннее выявленное упоминание о нем — в письме Тургенева Вяземскому от 2 марта 1821 года, свидетельствующее о том, что по крайней мере заочно Тургенев был знаком с начинающим автором: «Третьего дня был я в первый раз в публичном собрании здешнего Вольного литературного общества, которого я и ты почетный член. <...> После меня читаны были, как уверяют, хорошие пиесы Боратынского и какого-то Крылова, только не баснописца. Постараюсь прислать их тебе».⁴

Активное участие Баратынского в деятельности ВОЛРС, его многочисленные публикации на страницах «Соревнователя просвещения и благотворения»

¹ Если описывать литературную ситуацию методологическим языком П. Бурдьё (см. прежде всего: *Бурдьё П. Поле литературы* / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87).

² *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. Старая записная книжка. С. 281.

³ Краткую, но насыщенную характеристику деятельности Тургенева и основную литературу о нем см.: *Ларионова Е. О.* Тургенев Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 313–317.

⁴ Осташёвский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 174. Речь идет о публичном собрании Вольного общества любителей российской словесности (далее — ВОЛРС), состоявшемся 28 февраля 1821 года, на котором была прочитана поэма Баратынского «Пиры», «какой-то Крылов» — поэт Александр Абрамович Крылов, действительный член Общества соревнователей (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 229; *Евстифеева Р. А., Зарецкий А. Р.* Произведения Баратынского, читанные в собраниях Вольного общества любителей российской словесности // *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 457–460). Тургенев был избран почетным членом ВОЛРС 18 февраля 1818 года, Вяземский — 27 сентября 1820 года (*Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 446, 447). Впоследствии Тургенев, как и Вяземский, принимали более активное участие в деятельности и проектах ВОЛРС.

и других петербургских изданий в 1821–1823 годах⁵ упрочили его место в современной поэтической иерархии, при этом служебно-социальный статус Баратынского за этот период не изменился — несмотря на хлопоты родственников, представления непосредственного армейского начальства и ходатайство С. С. Уварова, тогда попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и президента Императорской академии наук.⁶

Тургенев, благодаря высокой должности и тесному сотрудничеству с влиятельным министром А. Н. Голицыным в подведомственных последнему Министерстве народного просвещения и духовных дел и Русском Библейском обществе (с 1810 года он был директором департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, с 1814 года — секретарем Библейского общества), неоднократно и успешно выступал ходатаем за литераторов, добиваясь для них финансового или символического вознаграждения или улучшения служебного положения. В 1824–1825 годах подобную функцию Тургенев взял на себя и в отношении Баратынского, который впоследствии неоднократно называл его своим главным благодетелем, возвратившим отчаявшегося «обществу, семейству, жизни».⁷ Можно предполагать, что сложная конфигурация прошений за Баратынского в январе–апреле 1824 года, в которых были задействованы министр Голицын, с одной стороны, и военное начальство в лице А. А. Закревского и И. И. Дибича — с другой, была срежиссирована именно Тургеневым, имевшим возможность влиять на обе группы интересов. Об этом свидетельствует, помимо собственно рассказа Тургенева в письме Вяземскому от 24 марта 1824 года,⁸ и тот факт, что записку об обстоятельствах вступления Баратынского в службу, необходимую для письма Голицыну, Жуковский просил Н. И. Гнедича доставить именно «к Тургеневу с надписью *нужное*».⁹ По убеждению Баратынского, ходатайству Тургенева перед Закревским он был «обязан <...> добрым расположением»¹⁰ финляндского генерал-губернатора, который в октябре 1824 года пригласил его прибыть к штабу Отдельного

⁵ О значении ВОЛРС для литературной позиции и репутации раннего Баратынского см.: Мартыненко А. И. Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: К истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. 6. Вып. 2. Tartu, 2020 (в печати).

⁶ Фактические обстоятельства хлопот за Баратынского см.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков; подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998. С. 103–104; о соотношении служебного положения и литературной деятельности Баратынского в 1821–1824 годах см.: Бодрова А. С. Военная служба Е. А. Баратынского: между биографией и поэзией // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2017. С. 131–155.

⁷ См. письмо Баратынского Тургеневу от 9 мая 1825 года (Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 158), а также совместное письмо Баратынского и Вяземского Тургеневу и Жуковскому от 25 февраля — 12 марта 1827 года, где Баратынский, обращаясь к Жуковскому, просил засвидетельствовать его почтение Тургеневу и сказать: «...я пользуюсь семейственным счастьем и независимостью, которые он столько желал мне доставить и наконец доставил. Всегда я буду хранить о нем признательное воспоминание. Ничего счастливого не случается в моей жизни без того, чтобы он и вы не пришли мне на память» (Там же. С. 191; текст письма уточнен по автографу: РНБ. Ф. 167. № 26. Л. 1–1 об.).

⁸ Ср.: «...спешу пересказать о Бор[атынском]. Закр[евский] говорил и просил: обещано или почти обещано, но еще ничего не сделано, а велено доложить чрез Диб[ича]. На этого третьего дня напустил я князя Гол[ицына]; потом принялся сам объяснять ему дело и человека. Большой надежды он мне не подал, но обещал доложить в течение дней всеобщего искупления. Между тем, узнав от него, что он думает, что Бор[атынский] отдан, а не охотой пошел в солдаты, я клялся ему в противном, просил справиться и, занемогши сам в тот же день, вчера призывал Муханова, просил его упрощить Закревского объяснить Диб[ичу] это обстоятельство: оно важно и должно более других обратить гнев на милость» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 24).

⁹ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 135; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 16. С. 227, 764.

¹⁰ Слова из письма Тургеневу от 25 января 1825 года (цит. по: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 150).

Финляндского корпуса в Гельсингфорс,¹¹ а затем, в феврале–марте 1825 года, вновь подавал — и наконец успешно — представление Баратынского к офицерскому чину.

При этом признательность Баратынского выражалась не только в эпистолярной форме. В 1824 — начале 1825 года Тургенев оказался в числе первых читателей и слушателей новых произведений Баратынского, в том числе не предназначенных для скорой публикации. 15 июня 1824 года на даче Тургенева Баратынский читал свое программное послание «Богдановичу»,¹² в начале августа Тургенев получил от Баратынского текст стихотворения «Звезда» («Взгляни на звезды: много звезд...»),¹³ в конце октября 1824 года поэт просил у Тургенева позволения прислать ему «лепту вдовицы» — только что завершённую поэму «Эда», текст которой он отправил в письме от 25 января 1825 года.¹⁴ Учтивая, что в этот период Баратынский вообще сильно сократил свою публикационную активность, подчиняясь убеждению Тургенева, что появление имени поэта в печати могло повредить делу о производстве,¹⁵ такое представление новых текстов приобретало эксклюзивный характер, подчёркивая символическую ценность мнения адресата.

Благодарность Тургеневу за участие и покровительство Баратынский сохранил на всю жизнь: показательно, что впоследствии он будет прибегать к схожей, но более конвенциональной форме выражения авторской признательности, стремясь преподнести Тургеневу почти все свои изданные сочинения.

С одним из таких эпизодов связана обнаруженная в архиве Тургеневых неопубликованная записка Баратынского, содержание которой позволяет не только дополнить летопись их социо-литературных отношений, но и прояснить запутанную историю одного из ключевых сборников Баратынского:

«Непременно бы навелител вашу простуду, если-б имел на то время сего дня. Надеюсь, что вы довольно заботитесь о вашем здоровьи, чтобы и завтра посидеть дома часов с 12. Постараюсь выпросить у Семена экземпляр и представить вам в одно время сочинение и почитающего вас автора.

Е. Баратынс<кий>». ¹⁶

Несмотря на отсутствие даты и почтовых штемпелей (записка, судя по всему, была предназначена для посылки с нарочным), представляется возможным определить обстоятельства посылки этого письма с точностью до дня. Основание для датировки даёт наиболее интересное в комментаторском отношении упоминание о намерении Баратынского представить Тургеневу экземпляр своего, очевидно, нового издания, выпущенного «у Семёна», т. е. в типографии Августа (Огюста-Рене) Семёна при Императорской медико-хирургической академии.¹⁷ В этой типографии, имевшей высокую

¹¹ В судьбе Баратынского таким образом был успешно реализован тот сценарий, который Тургенев предполагал и для Пушкина, когда в июне 1823 года способствовал его переводу в канцелярию М. С. Воронцова, недавно назначенного новороссийским генерал-губернатором (см. письмо Тургенева Вяземскому от 15 июня 1823 года: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 333–334).

¹² Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 139.

¹³ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 87.

¹⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 145, 150.

¹⁵ См. письма Тургенева Вяземскому от 24 марта 1824 года и 15 марта 1825 года (Там же. С. 137, 153); подробнее об этой стратегии см.: *Бодрова А. С.* Военная служба Е. А. Баратынского: между биографией и поэзией. С. 149–151.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 309. № 3812. Л. 3–4, на л. 4 об. адресация: «Александр Ивану Тургеневу». Записка на сложенной пополам четвертушке листа.

¹⁷ Об издательской деятельности Семёна см.: *Модзалевский Б. Л.* Август Иванович Семен. СПб., 1903; *Маркова А. И.* Август Семен, типограф, словолитчик, издатель // Библиофилы России. М., 2008. Т. 4. С. 385–401; *Markova A.* Auguste-René Semen, imprimeur, éditeur et marchand-libraire parisien à Moscou // *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources, nouvelles approches* (1815–1917). Paris, 2011. P. 263–283.

репутацию у московских литераторов и издателей, Баратынский напечатал целый ряд своих книг — «Стихотворения» 1827 года, поэму «Наложница» (1831), двухтомные «Стихотворения» 1835 года и, наконец, последний стихотворный сборник «Сумерки» (1842), однако возможность лично вручить экземпляр могла представиться поэту далеко не всегда, учитывая длительное пребывание «европейского странника» Тургенева за границей и хозяйственные дела Баратынского, требовавшие его присутствия в семейных имениях под Казанью, Тамбовом или в Муранове.

В сентябре 1827 года, когда вышел первый поэтический сборник Баратынского, он находился в Маре, в то время как Тургенев путешествовал по Германии и Швейцарии.¹⁸ Недавно вышедшую книгу Тургеневу обещался прислать Жуковский в письме от 27 ноября 1827 года,¹⁹ однако, судя по всему, намерения этого не исполнил. Как следует из письма П. А. Вяземского к Тургеневу от 1 марта 1829 года, сборник был ему отправлен существенно позже и уже самим Баратынским, который послал «сочинения и письмо с княгиней Зенеидою»,²⁰ т.е. с З. А. Волконской, уехавшей из Москвы в Италию 28 февраля 1829 года.²¹

Во второй половине апреля 1831 года, когда был отпечатан тираж поэмы «Наложница»,²² Тургенев также был за границей, а в Россию вернулся только в июне,²³ проведши сначала несколько месяцев в Петербурге и лишь осенью приехав в Москву. Баратынский, напротив, провел весну и начало лета в Москве и подмосковной, но во второй половине июня уехал в Казань и казанские имения Энгельгардтов, где пробыл до середины следующего года.²⁴ Известия о Баратынском в письмах Тургенева 1831–1832 годов лишь косвенные, полученные главным образом через семейство Елагиных–Киреевских,²⁵ с которыми Баратынский поддерживал в то время активную переписку.

¹⁸ Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 463 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁹ «Пришлю и вышедшие недавно сочинения Баратынского...» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 16. С. 529). См. также в письме Вяземского Тургеневу от 12–18 ноября 1827 года: «Пишу Жуковскому, чтобы он послал тебе стихотворения Боратынского и третью часть „Онегина“» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 168).

²⁰ Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским. Пг., 1921. Т. 1. 1814–1833 годы / Под ред. и с прим. Н. К. Кульмана. С. 77 (Архив братьев Тургеневых; вып. 6). Сообщение о Баратынском находится во второй части письма, датированной 1 марта, в то время как в ряде справочных изданий это упоминание приводится под датой начала письма — 1 января 1829 года (ср., например: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 217; Арутюнова Б. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и ее корреспонденты. СПб., 2017. С. 54). Вероятно, Баратынский послал Тургеневу не только стихотворный сборник, но и недавно вышедшую поэму «Бал» (СПб., 1828).

²¹ Арутюнова Б. Жизнь в письмах. С. 30.

²² Цензурный билет был выдан 15 апреля 1831 года (Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 254), книга поступила в продажу к 20–21 апреля 1831 года (Московские ведомости. 1831. 22 апр. № 32. С. 1478; особое объявление о скором выходе поэмы было приложено к выпуску «Московских ведомостей» от 15 апреля: Там же. 15 апр. № 30. Приложение).

²³ Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 467.

²⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 256, 261.

²⁵ См., например, в письме Жуковскому от 5 октября 1831 года: «Вчера опять провел я приятный вечер у Елагиной и наслушался прелестных стихов Языкова <...> Если успею, то пришлю их и несколько счастливых выражений тоски по прошедшем Баратынского» (Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenew und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845 / Hrsg. H. Siegel. Köln, 2018. S. 78). Упомянутое стихотворение Баратынского — это, по всей видимости, «Бывало, отрок, звонким кликом...», написанное в Каймарах и посланное в письме Языкову, полученном в Москве 28 сентября 1831 года (Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 261). Его копия, сделанная рукой А. П. Елагиной, сохранилась в архиве Тургенева (ИРЛИ. Ф. 309. № 1191а. Л. 28), в строках 11–14 разбачтения, не зафиксированные другими источниками: «Но все проходит: остываю / Я и к гармонии стихов, / И как дубрав не оглашаю, / Так не ищу согласных слов» (курсив мой. — А. Б.).

В 1842 году Тургенев вернулся в Москву только 9 августа,²⁶ в то время как «Сумерки» вышли еще в мае.²⁷ Занятый обустройством мурановского дома и отдалившийся от московской литературной среды, Баратынский в город выезжал редко, а экземпляры сборника, «адресованные старым товарищам», он еще в конце мая послал П. А. Плетневу в Петербург «для доставления разным лицам».²⁸ Сведения о личном общении Баратынского с Тургеневым в Москве неизвестны. Тем не менее подарочный экземпляр «Сумерек» был получен Тургеневым не позднее начала октября 1842 года, о чем свидетельствуют инскрипты на книге, сначала надписанной «Александру Ивановичу Тургеневу от сочинителя», а затем «от Тургенева г. Фарнгагену фон Энзу», причем последняя дарственная надпись датирована: «Москва 10/22 октября 1842».²⁹

Обстоятельства выхода «Стихотворений» 1835 года, на первый взгляд, также не располагали к возможности одновременного представления Тургеневу сочинения и его автора. Тираж сборника был отпечатан только к 20-м числам апреля,³⁰ в то время как Тургенев уехал из Москвы в очередное заграничное путешествие 27 января 1835 года.³¹ Тем не менее из дневника Тургенева известно, что в конце 1834 — январе 1835 года, будучи в Москве, он общался с Баратынским³² и интенсивно встречался с организаторами учреждавшегося журнала «Московский наблюдатель»,³³ в котором принимал участие и поэт. В библиотеке Тургеневых сохранился необычный экземпляр «Стихотворений» 1835 года — с датой «1833» на титульном листе и дарственной надписью «Александру Ивановичу Тургеневу».³⁴ Наконец, под 22 января 1835 года в дневнике Тургенева помещена следующая запись, прямо перекликающаяся с содержанием новонайденной записки: «22 *Генваря*. Глазу легче. Баратынск<ий> привез ко мне экз<емпляр> нового издания своих сочин<ений>, взяты<й> им у жены; перевел стих Гете <пропуск> и приписал в моем [журнале] письме о Швейцарии, которое отдаю в журнал».³⁵

²⁶ Точную дату приезда Тургенева в Москву, зафиксированную в его дневнике, см.: *Основат А. Л.* Несколько справок о людях и текстах 1830–1840-х годов // Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. [М.,] 2017. Т. 1. С. 256–257.

²⁷ См.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 435.

²⁸ Письмо Плетневу от 26 мая 1842 года, см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 385–386.

²⁹ РНБ. Ф. 865. № 135. Л. 1. В архиве И. А. Шляпкина сохранилась копия, сделанная его рукой с титульного листа и оборота титула экземпляра «Сумерек» из библиотеки К. А. Фарнгагена фон Энзе. Подробнее об этом инскрипте, вероятных обстоятельствах доставки «Сумерек» Тургеневу и пересылки книги Фарнгагену см.: *Основат А. Л.* Несколько справок о людях и текстах 1830–1840-х годов. С. 255–257.

³⁰ Объявление о выходе сборника: *Московские ведомости*. 1835. 20 апр. № 32. С. 1580; *Зарецкий А. Р., Песков А. М.* История подготовки стихотворений Баратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг. // *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 466.

³¹ *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 476–477.

³² Ср. опубликованную запись от 19 декабря 1834 года: «Обедал у Орлова с Баратын<ским>, Чаадаев<ым>, Ден<исом> Давыдов<ым> и с Раевскими новобрачными» (*Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 475; среди перечисленных лиц М. Ф. Орлов и А. Н. Раевский с женой), а также другие дневниковые заметки, свидетельствующие об общении с Баратынским в этот период: «Заезжал к Баратынскому: не застал» (*ИРЛИ. Ф. 309. № 305. Л. 13 об.*; запись от 27 сентября 1834 года); «Обедал у Орлова с Баратынским, который наконец завез ко мне карточку» (Там же. Л. 34 об.; запись от 18 января 1835 года).

³³ *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 475–476.

³⁴ Об этом экземпляре, хранящемся в Отделе книжных фондов Государственного литературного музея (инв. номер: 92742), см.: *Светлов А. П.* Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. // Книга: Исследования и материалы. М., 1984. Сб. 49. С. 121–129.

³⁵ *ИРЛИ. Ф. 309. № 305. Л. 35 об.* (в квадратных скобках — зачеркнутое); *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 476. «Письмо о Швейцарии» — отданное в «Московский наблюдатель» «Письмо из Флоренции в Симбирск», опубликованное в двух книжках

Как в дневниковой записи, так и — в еще большей мере — в тексте записки («постараюсь выпросить у Семена экземпляр») подчеркиваются специальные действия, предпринятые для получения книги, которые — при обыкновенной выдаче подарочных экземпляров автору — едва ли могли потребоваться. Однако в данном случае речь шла об очень нестандартном казусе: чтобы успеть подарить Тургеневу книгу до его скорого отъезда, Баратынский должен был раздобыть экземпляр «Стихотворений» 1835 года не только до отпечатания тиража, но и до выдачи билета на выход в свет, что вступало в противоречие с цензурным законодательством. Согласно порядку производства дел по внутренней цензуре, по напечатании книги необходимо было представить в цензуру «два экземпляра <...> со свидетельством директора, содержателя или фактора типографии, что <...> лист или книга напечатаны во всем сходно с прилагаемою при том одобренною в цензуре рукописью...», и затем цензор, «сличив печатный экземпляр с одобренным», подписывал «позволительный билет на выпуск книги в продажу».³⁶ Исключительное разрешение выдавать в свет издания до получения цензурского билета предусматривалось уставом только для «периодических сочинений, составляющих не более одного печатного листа и требующих поспешной выдачи».³⁷

Принимая во внимание эти обстоятельства и пытаясь интерпретировать запись в дневнике Тургенева, А. М. Песков (как и ранее А. П. Светлов, опиравшийся на анализ тургеневского экземпляра) осторожно предположил, что Тургеневу был подарен «один из немногих, отпечатанных к январю 1835 года» экземпляров издания, предназначавшийся для цензурского просмотра.³⁸ Впоследствии, на основании знакомства с экземпляром из библиотеки Тургеневых, высказывались противоречивые предположения, что первый том издания получил цензурский билет еще в 1833 году (в соответствии с датой, стоящей на титульном листе),³⁹ а все издание было дозволено к выходу в свет

первой части журнала (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 2. С. 296–327 (подпись: «Эолова арфа»; с указанием: «конец письма в следующей книжке»); Ч. 1. Апрель. Кн. 1. С. 529–550 (подпись: «Эолова арфа»); в оглавлении части указано авторство Тургенева)). По остроумной гипотезе Д. М. Хитровой (*Хитрова Д. М.* Неизвестный стих Баратынского // *Тыняновский сборник*. М., 2006. Вып. 12. Десятые — Одиннадцатые — Двенадцатые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. С. 207–209), упомянутый Тургеневым перевод «стиха из Гете», сделанный и приписанный Баратынским в его «письме», — это строка из баллады Шиллера «Кубок», процитированная в описании реки Рейс: «...о ее бурном течении можно сказать с поэтом: — „Es wallet und siedet und brauset und zischt! — И валит и хлещет, ревет и кипит!“ — Кто написал этот стих, тот, конечно, прислушивался к водопадам и к речкам Швейцарии, они почти все быстры, опрометчивы и разрушительны» (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 2. С. 316).

³⁶ Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание второе (1825–1881). СПб., 1830. Т. 3 (1828). С. 465, § 42. Существенно, что даже на последней стадии работы над книгой автор имел право внести «перемены и поправки в слог и выражениях», но в таком случае «важнейшие перемены, сделанные автором, должны быть отмечены в особой записке, подаваемой в цензуру при представлении печатного экземпляра» (Там же. С. 476, § 144). Такая записка, сохранившаяся, к сожалению, без перечня исправлений (Научная библиотека СПбГУ, шифр Е II 2029), была приложена к печатному экземпляру «Стихотворений» 1835 года, представленному в цензуру для получения цензурского билета (подробнее см.: *Бодрова А. С.* Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского // *Летняя школа по русской литературе*. 2018. Т. 14. № 1. С. 56).

³⁷ Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 3. С. 465, § 43.

³⁸ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 325; ср.: *Светлов А. П.* Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. С. 126–127.

³⁹ Архивные разыскания это предположение не подтвердили: в фиксирующих выдачу цензурных билетов реестрах Петербургского цензурного комитета за 1833 и 1834 годы (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 265, 266) не удалось обнаружить сведений о представлении в петербургскую

«к 20-м числам января» 1835 года,⁴⁰ хотя ссылка на запись о выдаче билета не приводилась. Как удалось установить позднее,⁴¹ билет на обе части «Стихотворений» одновременно был выдан петербургским цензором А. В. Никитенко только 26 февраля 1835 года,⁴² что заставляет вернуться к первоначальной гипотезе комментаторов.

Сопоставление дат не оставляет сомнений, что Тургеневу был подарен еще не окончательно одобренный цензурой, «дотиражный» экземпляр — вероятно, действительно предназначенный для цензурного просмотра. На это косвенно указывают описанные Светловым следы от красных сургучных печатей на форзаце.⁴³ Предшествующие исследователи интерпретировали их как следы крепившегося таким образом цензурного билета и на этом основании предполагали, что билет на выпуск книги к моменту вручения экземпляра Тургеневу уже был получен. Однако подобными сургучными печатями крепились и свидетельства из типографии, подтверждавшие идентичность набранной книги уже одобренной цензором рукописи или содержавшие перечень авторских поправок. Исходя из этого, можно предположить, что Баратынскому удалось «выпросить у Семена» подготовленный для отправки в петербургскую цензуру экземпляр «Стихотворений» с уже припечатанным типографским свидетельством, которое могло быть откреплено еще до вручения книги Тургеневу. «Выпрошенный» Баратынским экземпляр, очевидно, был восстановлен — и затем соответствующее число книг отправлено — по стандартной процедуре — в петербургскую цензуру для получения билета на выпуск в свет полного тиража.

Таким образом, записка Баратынского — в соотнесении с «темной» и, видимо, несколько рассеянной записью в дневнике Тургенева⁴⁴ — может быть датирована 21 января 1835 года. Уточняя и дополняя этот экстраординарный эпизод долгой издательской истории «Стихотворений» 1835 года, она еще раз подчеркивает значимость фигуры Тургенева для Баратынского и символическую ценность его необычного книжного подарка.

цензуру отпечатанной первой части «Стихотворений» (о цензурной географии «Стихотворений» 1835 года см. ниже, прим. 42).

⁴⁰ Зарецкий А. Р., Песков А. М. История подготовки стихотворений Боратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг. С. 466.

⁴¹ Бодрова А. С. Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского. С. 55–56.

⁴² РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 267. Л. 11 об.; ср. также запись на экземпляре из библиотеки СПбГУ (см. прим. 36). В соответствии с Цензурным уставом, билет на издание должен был выдавать тот же цензор, который одобрял к печати рукопись, однако цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета Н. И. Бутырский, еще 7 марта 1833 года дозволивший к публикации «Стихотворения» Баратынского (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 197. Л. 9 об. — 10; об истории прохождения рукописи через цензуру см.: Оксман Ю. Г. Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре // Литературный музей. Пг., 1922. Т. 1. С. 13–17), в том же 1833 году вышел в отставку, поэтому цензурный билет выдавал сменивший Бутырского «университетский» цензор А. В. Никитенко (данные о службе Бутырского и Никитенко см.: Цензоры Российской империи: Конец XVIII — начало XX века: Библиографический справочник. СПб., 2013. С. 113–114, 267).

⁴³ Светлов А. П. Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Баратынского 1833 г. С. 127.

⁴⁴ См. прим. 35 о вероятной путанице Шиллера и Гете в той же записи. Подобной небрежностью можно объяснить не раз смущавшее комментаторов указание о «взятом <...> у жены» экземпляре нового издания.